

Введение

*Войны начинают, когда хотят,
но кончают – когда могут.*
Никколо Макиавелли

*Штыками можно сделать все что угодно,
только нельзя на них сидеть.*
Наполеон Бонапарт

Вооруженный конфликт – это вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт) [Военная доктрина., 2014]. При вооруженном конфликте обычно преследуются более ограниченные, чем в войне, политические цели, которые не требуют кардинальной перестройки всего государственного механизма и перевода экономики на военные рельсы, общество в целом не переходит в особое состояние – состояние войны [Гергега, 2010, с. 52].

В настоящее время получили распространение внутренние интернационализированные вооруженные конфликты, т.е. конфликты, в которых какое-либо европейское государство (в контексте данного издания) оказывает поддержку одной из сторон во внутреннем конфликте на территории другого государства.

В XXI в. возможности стран Европы, связанные с совершенствованием вооружения, более гибким и глобальным

управлением вооруженными силами, существенно расширились. Эти процессы сопровождаются применением других способов достижения политических целей, которые хотя и являются силовыми, но не предусматривают использования оружия. При этом используются экономические и информационные меры воздействия на противника. Такое сочетание методов проведения силовой политики принято называть «гибридностью». Для современных вооруженных конфликтов характерно отсутствие формального объявления войны. В настоящее время классические боевые действия с массированным использованием сухопутных сил, танков и артиллерии применяются западными странами только в сочетании с «гибридными». Следует, однако, отметить, что «гибридные» методы могут использоваться и без открытого применения вооруженных сил. Часто воюющая сторона не заинтересована в том, чтобы ее признали стороной конфликта, и отрицает использование тяжелой техники. Тем не менее уже очевидно, что для обеспечения победы все большее значение будут иметь средства воздушно-космического нападения. Но даже если они не используются, любой вооруженный конфликт находится под постоянным наблюдением разведывательных органов и информационно-аналитических подразделений. Развитие и распространение информационных технологий приводит к тому, что огромные социальные слои оказываются вовлеченными в вооруженные конфликты и становятся мощным рычагом воздействия на их ход.

Однако главными акторами мировой политики по-прежнему остаются государства, и прежде всего Соединенные Штаты, – самая мощная и богатая страна в мире. Представляется, что современная американская стратегия характеризуется установлением целей ниже достигнутого уровня или исключением некоторых направлений деятельности. Конечно, подобное свертывание целей носит относительный характер. Не следует забывать, что в настоящее время за пределами США находится примерно 200 тыс. американских военнослужащих. Тем не менее если говорить о способности управлять событиями и формировать ситуацию в других странах мира, то очевидно, что влияние

Соединенных Штатов размывается, и рычаги влияния перемещаются к Востоку и Югу. Тем самым создается многополярный мир, где негосударственные акторы играют все большую роль, происходит естественная перебалансировка сил после относительно недолгого периода неоспоримого доминирования США в 1990-е годы.

При этом немаловажным фактором становится милитаризация внешней политики Вашингтона. Надо отметить, что этот тренд проявился в Соединенных Штатах еще до прихода к власти Д. Трампа. Лицензия на борьбу с терроризмом предоставила западным лидерам право обвинять в терроризме своих оппонентов в конфликтных зонах и относиться к ним соответственно. Поле деятельности, доступное для дипломатии, стремительно сужается. Военные операции западных стран в предшествующие 20 лет создали политический ландшафт, в котором применение силы стало считаться дозволительным. Локальные вооруженные конфликты последнего времени превратились в региональные, усугубили соперничество великих держав, вовлекли в конфликты новых игроков. Большому количеству акторов трудно договориться. Все это создает новые преграды для урегулирования этих конфликтов. Урегулированию конфликтов препятствует и политика Д. Трампа, который ставит двусторонние соглашения и временные союзы выше многосторонней дипломатии и международных институтов. В области внешней политики он старается не разделить бремя, а сбросить его, подрывая международные договоренности (в области торговли, климата, переговоров о ядерной программе Ирана).

Современные вооруженные конфликты возникают по различным причинам национального, экономического, политического, экологического характера. Понятно, что этническое многообразие само по себе не является причиной вооруженных конфликтов, но может использоваться в целях политической мобилизации. Тогда конфликт может перерасти в вооруженное противостояние. В настоящее время при возникновении конфликтов значительно усилилось влияние религиозных факторов, что можно наблюдать на Ближнем и Среднем Востоке. Не-

трудно предугадать, что по мере утраты «Исламским государством»¹ своих территорий будет возрастать, хотя бы в краткосрочной перспективе, угроза терроризма на Западе, особенно в Европе. Аффилированные с ИГ группы, отдельные боевики-террористы и будущие новые рекруты будут присоединяться к «Аль-Каиде» и другим организациям, действующим в различных регионах в зонах конфликтов. Это может способствовать интенсификации уже существующих и возникновению новых вооруженных конфликтов. Для европейских стран «растущее число “неудавшихся путешественников”, постоянная угроза вербовки сотрудников важнейших объектов инфраструктуры террористическими группами, а также риск того, что репатрианты и переселенцы возглавят уже существующие сети радикализированных сторонников и увеличат их террористический потенциал, являются серьезными проблемами» [Двадцать первый доклад., 2018, с. 6].

Становится очевидным, что очень сложно остановить затянувшиеся вооруженные конфликты. Существует ряд тлеющих вооруженных конфликтов, они приостановлены, но не завершены. Для их полного прекращения внешние игроки должны работать по трем главным направлениям. Во-первых, необходимо уменьшить угрозу, которую являет собой деятельность террористических групп. Во-вторых, следует способствовать росту возможностей самого государства, на территории которого происходит вооруженный конфликт. В-третьих, необходимо тщательно изучать причины радикализации и насильственного экстремизма.

Перед внешним вооруженным вмешательством европейские страны изучают обстановку в стране, где планируется проведение боевых операций, опираясь на помощь поддерживающих их местных игроков. Они пытаются собрать всеобъемлющую информацию о всех сложных взаимоотношениях между странами, этническими группами, племенами, религиозными общинами

¹ Здесь и далее по тексту сборника «Исламское государство» (ИГ; ИГИЛ; ДАИШ) – запрещенная в России террористическая организация.

Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки, регионов Сахеля и Африканского Рога.

Одновременно внутри самих европейских стран готовится четко выверенная стратегия, которая должна способствовать нейтрализации сил, находящихся в оппозиции к планирующейся интервенции, и при этом должна учитывать настроения электората. Накануне интервенции европейские страны чаще всего пытаются заручиться легальным мандатом на проведение вооруженной интервенции, хотя могут обходиться и без него. Европейские лидеры понимают, что каждое вооруженное вмешательство должно преследовать ясные политические цели и применяемая военная тактика должна им соответствовать. Примером операций с ясными задачами служат, например, операция Франции «Сервал» в Мали и операция ВС РФ в Сирии. Обе операции начались по просьбе законных правительств этих стран, велись и продолжают проводиться (Россией) против джихадистских группировок. Задачи данных операций – восстановить территориальную целостность государств, подавить деятельность террористических группировок. Вмешательство стран НАТО в Ливии имело другое, нечеткое и сомнительное стратегическое содержание. Соединенные Штаты, Франция и Великобритания отрицали, что целью операции является смена режима, но подчеркивали, что ситуацию невозможно урегулировать, если М. Каддафи останется у власти. Такую же риторику мы слышим со стороны западных стран сегодня в отношении президента Сирии Б. Асада.

Перед каждой страной, проводящей военную операцию за границей, встает вопрос о том, вести ли боевые действия с участием сухопутных сил или без их использования. В последнем случае ответственность быстрее перекалдывается на плечи местных органов обеспечения безопасности и восстановления порядка, но одновременно для государств, осуществивших вмешательство, уменьшается возможность контролировать процесс транзита к функционированию новой структуры власти. В то же время мы наблюдали, что даже масштабное присутствие международной коалиции в Афганистане не помогло установить мир в

этой стране. А ведь только при гарантированном обеспечении безопасности можно успешно осуществлять процессы государственного строительства, экономического развития и реализовывать программы гуманитарного характера. Необходимо отметить, что, если вторгшееся государство не разворачивает сухопутные силы, оно вынуждено снабжать оружием лояльные ему группировки. В Ливии западные союзники делали это скрытно, чтобы обойти эмбарго на поставки оружия в эту страну. Но всегда существует риск, что оружие попадает в руки к исламистам.

Европейские лидеры, принимающие решения об интервенции, учитывают геополитическую ситуацию в зоне готовящейся операции, предусматривают, каким образом она изменит баланс сил в регионе. Минимизация сопутствующего ущерба гражданскому населению важна для любого государства, совершающего вторжение, не только из гуманитарных соображений, но и в целях сохранения общественной поддержки.

Часто вторгшиеся иностранные силы добиваются военной победы в вооруженном конфликте довольно быстро. Но не стоит думать, что тем самым кризис в стране, где проводилась военная операция, будет преодолен. Военный уклон операций Франции «Сервал» и «Бархан» в Сахаро-Сахельском регионе продемонстрировал, что необходимо делать акцент на политическом видении ситуации. Так же как и в любом другом конфликте, нужно прежде всего вскрывать его экономические и социальные причины. Переходному правительству, а затем – правительству, получившему легитимность в результате проведения выборов, понадобится долгосрочная поддержка, прежде чем порядок в стране будет восстановлен. Эта поддержка должна иметь многовекторный характер и включать дипломатические усилия, помощь в развитии и обороне. Только в результате таких действий со стороны государств, совершивших вооруженное вторжение, будет возможен переход к самостоятельному осуществлению сложных задач по восстановлению страны на национальном уровне местными силами. При этом западные страны, осуществившие интервенцию, зачастую торопятся организовать проведение местных выборов. Их цель – придать легитимность новому

правительству – своим местным союзникам. Однако такие выборы чаще всего бывают легитимны лишь в глазах западного сообщества, а не местного населения. Новые структуры управления насаждаются сверху, а не путем длительного демократического процесса, в ходе которого достигается национальный консенсус. Международные акторы видят в создании сильного центрального правительства решение всех проблем. Но выход может быть найден только на пути инклюзивного диалога между различными социальными группами, включая те, которые потенциально могут быть ущемлены, – женщины, национальные и религиозные меньшинства.

Среди главных задач вновь сформированного правительства – реформа сектора безопасности. При этом основные усилия обычно направлены на техническое оснащение, укрепление институтов и организаций системы безопасности. Но в таких странах, как Мали и Афганистан, полицейские и военные не пользуются доверием значительного числа своих сограждан, и местное население полагает, что опасность исходит от самих представителей силовых структур. Кроме того, население судит о созданном после вооруженного конфликта правительстве не только по его способности обеспечить надлежащий уровень безопасности, но и по результатам его работы в области предоставления базовых государственных услуг: обеспечения подачи электроэнергии, питьевой воды, поддержания систем здравоохранения и образования. После вооруженного вмешательства Франции в Мали местным органам управления не удалось достичь успехов в этой сфере.

В европейских столицах существует понимание того, что вывод иностранных войск не означает окончания конфликта, а лишь знаменует изменение его фазы. Заканчиваются противоповстанческий и частично контртеррористический этапы вмешательства, которые большей частью проводятся военными методами. Правда, контртеррористические меры подразумевают также усилия по предотвращению радикализации и насильственного экстремизма. В идеале они должны осуществляться под руководством гражданских лиц, как и меры, реализуемые в рам-

ках правоприменительной практики, направленные против криминальных действий, имевших место в ходе проведения и после завершения вооруженного вмешательства.

В данном номере журнала собраны материалы, посвященные участию европейских государств в современных вооруженных конфликтах. Наша главная задача – осуществить прикладной анализ в этой области, способствовать распространению и развитию практических знаний. Однако мы также затрагиваем вопросы, касающиеся теоретических разработок в данной сфере. Именно в первой статье В.А. Золотарева и Ф.О. Трунова представлен теоретический подход к заявленной теме. Особый интерес представляет статья французского исследователя И. Деланоэ, в которой отражена динамика изменения позиций западных стран в сирийском конфликте. В статье отражены французское видение и оценка политики России в Сирии. Автор пытается представить Францию как единственно возможного медиатора, способного объединить усилия всех участвующих в конфликте нерегиональных держав в целях успешного урегулирования этого конфликта. Политике Великобритании посвящена статья И.Г. Ковалёва, автор анализирует стратегические цели и тактические задачи вооруженного вмешательства Соединенного Королевства в современные региональные конфликты. В данном номере журнала представлены три работы, в которых рассматривается роль Франции в вооруженных конфликтах. В статье Е.А. Нарочницкой всестороннему исследованию подвергается позиция Франции на Украине. Еще две статьи посвящены анализу присутствия Франции в Африке: в статье В.Н. Чернеги рассмотрен его политический аспект, а в статье А.С. Сидорова – военная составляющая. Активность Германии на африканском континенте находится в фокусе внимания в работе Ф.О. Трунова. В статье Н.А. Ахтамзян анализируется политика Германии в Сирии. Влияние внешних игроков на ход гражданской войны в Ливии – основная тема статьи М.Ф. Видясовой. Феномену иностранных боевиков, порожденному современными вооруженными конфликтами, посвящено исследование О.Н. Новиковой.

Список литературы

Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. – М., 2014. – 25.12. – Режим доступа: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (Дата обращения – 28.04.2018).

Герега К. Международные конфликты в современном мире: Виды и особенности // Закон и жизнь. – М., 2010. – № 6. – С. 50–55. – Режим доступа: <http://www.legeasiviata.in.ua/archive/2010/6/08.pdf> (Дата обращения – 28.04.2018).

Двадцать первый доклад Группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, представленный во исполнение резолюции 2368 (2017) по ИГИЛ (ДАИШ), «Аль-Каиде» и связанным с ними лицам и организациям / ООН. Совет Безопасности. – Нью-Йорк, 2018. – 27.02. – С. 3–29. – Режим доступа: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2018/14/Rev.1&referer=/english/&Lang=R (Дата обращения – 28.04.2018).

О.Н. Новикова